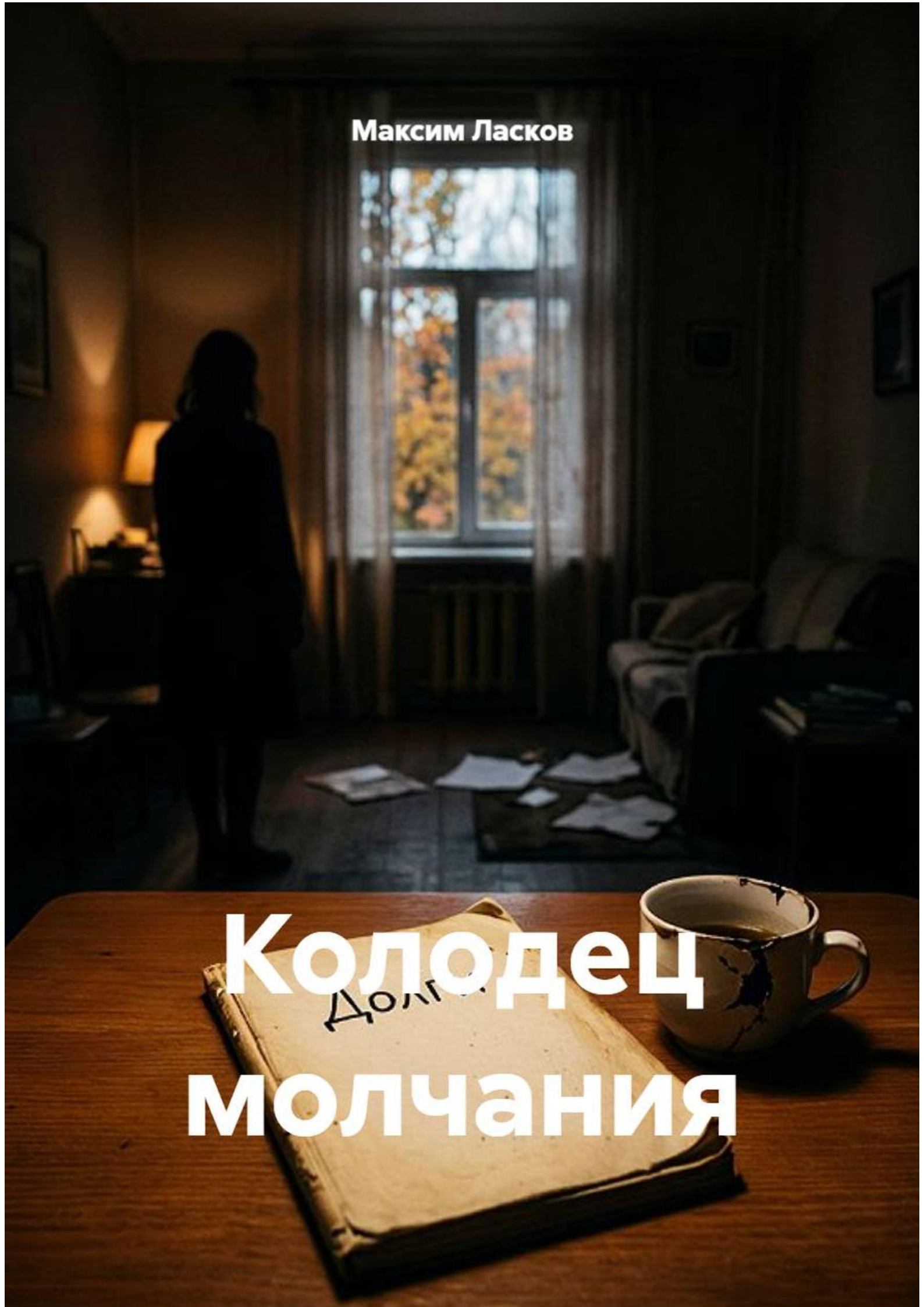

Максим Ласков
Колодец молчания

Максим Ласков

Колодец молчания

«Автор»
2026

Ласков М.

Колодец молчания / М. Ласков — «Автор», 2026

Когда Анна узнаёт о смерти деда, которого не видела двадцать лет, она считает это формальностью: приехать, разобрать бумаги, продать дом. Но обстоятельства смерти выясняет полиция — старика нашли у колодца на его собственном участке. В доме Анна обнаруживает тёплую чашку с отбитой ручкой и тетрадь «Долги», где дед тридцать лет записывал долги соседей — и долги, которые не оплатить деньгами: «Кузнецов — мальчик. Петров — колодец. Я — молчание».Помочь понять правду Анне пытается местный учитель Максим Кузнецов, чей младший брат двадцать лет назад утонул в том самом колодце. В 1998-м дед знал, что вода отравлена, — и промолчал. Молчали все. Пока кто-то не решил, что долг пора вернуть.Психологический детектив о цене молчания и о прошлом, которое не утекает, как вода, — оно ждёт на самом дне колодца.

© Ласков М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. «Чашка на столе» 5
ГЛАВА 2. «Учитель истории» 8
ГЛАВА 3. «Слухи у магазина» 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Максим Ласков
Колодец молчания

ГЛАВА 1. «Чашка на столе»

Телефон зазвонил в семь утра — в тот час, когда Анна обычно ещё спала, потому что в последние месяцы работа из дома превратилась в работу из постели: ноутбук на одеяле, кружка с остывшим кофе на подоконнике, вкладка с вакансиями, которую она открывала и закрывала, так и не решившись.

Она взяла трубку, не глядя на экран.

— Анна Сергеевна? — Голос был женский, официальный, с той чуть усталой интонацией, которая бывает у людей, привыкших сообщать неприятное. — Вас беспокоит нотариальная контора «Кузнецова и партнёры». Речь о наследстве вашего деда, Семёнова Виктора Андреевича. Соболезную. Он скончался три дня назад.

Анна села на кровати. За окном моросил дождь, стучал по жестяному отливу — монотонно, как метроном. Она попыталась вспомнить лицо деда и не смогла. Только руки: большие, в трещинах, с тёмными ногтями, которые он вытирал о штаны, прежде чем протянуть ей конфету. И запах табака, которым пропитался его дом. Больше ничего. Двадцать лет она старательно забывала этот дом, и вот теперь должна в него вернуться — потому что старик умер и оставил после себя бумаги, которые никто, кроме неё, не разберёт.

— Что нужно от меня? — спросила она.

— Приехать. Оформить наследство, вступить в права. Есть нюансы: дом, участок, ну и... — Нотариус помолчала. — Обстоятельства смерти выясняются. Полиция не исключает криминала. Ваш дед был найден у колодца на своём участке.

Анна откинулась на подушку. Досада — вот что она почувствовала. Как будто ей сообщили, что любимый сериал закрыли на середине сезона: неприятно, но не смертельно. Горе не приходило. Только раздражение: придётся менять планы, разбирать бумаги, общаться с нотариусом. Она попробовала вызвать в памяти хоть что-то тёплое — и не смогла.

— Я приеду, — сказала она. — В ближайшие дни.

— Есть ещё один момент. Учитель местный, Максим Андреевич Кузнецов, интересовался архивом вашего деда. Говорит, для исторической работы. Мы ему ничего не давали, но вы имейте в виду.

Анна записала фамилию на обороте конверта. Кузнецов. Что-то знакомое, но она не стала вспоминать. Мало ли Кузнецовых.

— Спасибо. До свидания.

Она положила трубку и долго сидела, глядя на стену. Потом встала, открыла шкаф и достала сумку.

Дорога заняла шесть часов — сначала поезд, потом автобус, который трясся так, что у Анны разболелась голова. За окном тянулись поля, серые от дождя, потом пошли леса — тёмные, плотные, подступающие к самой дороге. Посёлок показался внезапно: несколько улиц, магазин с вывеской, выцветшей до нечитаемости, остановка с покосившимся навесом.

Автобус остановился. Водитель, не оборачиваясь, бросил:

— Приехали.

Анна вышла. Пахло сыростью и мокрой землёй — тем самым запахом, который она помнила из детства и который тогда казался ей запахом старости. Она поправила лямку сумки и пошла по разбитой дороге, мимо домов с глухими заборами, мимо колодца с воротом, на котором висело ржавое ведро.

Дом деда стоял на отшибе, у самого леса. Она узнала его сразу — по тёмным брёвнам, по крыше, просевшей с одного края, по окнам, которые смотрели на неё, как глаза старого пса. Калитка была приоткрыта. На крыльце лежал коврик, стёртый до основы.

Зайду, посмотрю, вызову оценщика, продам. Максимум две недели. Потом — обратно в город.

Она толкнула дверь. Та поддалась с тяжёлым скрипом, и Анну обдало запахом пыли, старых газет и — едва уловимо — табака.

Внутри было темно. Анна пошарила рукой по стене, нашла выключатель — не сработал. Она достала телефон, включила фонарик. Луч выхватил стол, накрытый клеёнкой, буфет с посудой, диван с продавленным сиденьем. Пахло не только пылью — чем-то ещё, кисловатым, как от старой одежды, которую давно не проветривали. Под ногами скрипела половица. Она сделала шаг — и половица скрипнула ещё раз, будто кто-то шёл следом. Анна обернулась. Никого. Только тень от шкафа, слишком длинная в свете фонарика.

На стене — фотография в рамке: дед, молодой, с женщиной, которая, должно быть, была её бабушкой. Анна не помнила бабушку совсем.

Она прошла на кухню. Здесь было теплее — или ей показалось. Плита, старая, чугунная, с закопчённой духовкой. На плите — кастрюля с высохшей кашей. В раковине — две тарелки. И чашка. Анна машинально заглянула в дымоход — просто так, без цели. Там было темно и пахло золой. Она не стала проверять. Не сейчас.

Анна подошла ближе. В чашке — на дне — темнела гуща. И сама чашка была... тёплой. Она коснулась фарфора тыльной стороной ладони и отдёрнула руку. Потом коснулась чайника — холодный, с потёками на боку. А чашка — тёплая. Отчётливо.

Показалось. Здесь холодно, как в морге. Просто показалось.

Она вышла в коридор, открыла первую дверь — спальня. Кровать заправлена, но подушка смята. На прикроватной тумбочке — очки, книга, стакан с водой. Вторая дверь — кладовка, забитая хламом. Третья — вела на чердак, но лестница была шаткой, и Анна не рискнула.

В гостиной она заметила бумаги. На столе — стопка, придавленная камнем. Она подошла, сдвинула камень. Сверху лежал лист, вырванный из тетради, с неровными краями — как будто рвали в спешке. На листе — несколько строк, написанных стариковским почерком, с нажимом:

«Он приходил. Спрашивал про колодец. Я сказал — не твоё дело. Он сказал — моё. Уходи, говорю. А он стоит. Смотрит. И не уходит».

Анна перечитала. Потом ещё раз.

Кто «он»? И почему дед писал об этом так, будто боялся?

Она перевернула лист. На обороте — ничего. Следующий лист был вырван — только корешок остался. Она перебрала бумаги: счета, квитанции, старые письма. Ничего похожего на дневник.

За окном стемнело. Анна включила лампу в гостиной — она загорелась, замигала, но потом разгорелась ровно. Жёлтый свет лёг на стены, и дом сразу стал меньше и обыденнее. Она села на диван, не снимая пальто, и уставилась на чашку, которую принесла с кухни. Поставила перед собой. Отодвинула. Придвинула обратно.

Позвоню нотариусу. Скажу, что приехала. Спрошу про этого учителя. Может, он знает больше, чем говорит.

Она достала телефон. Сети не было. Совсем.

Стук раздался около девяти. Анна уже почти задремала на диване, не сняв пальто, и от неожиданности уронила чашку на колени — та покатилась по полу, но не разбилась. Она подошла к двери, посмотрела в глазок. На крыльце стоял мужчина — высокий, в куртке с

поднятым воротником, с фонариком в руке. Лица не было видно, только очертания — плечи, чуть сутулые, и руки, которые он держал перед собой, будто показывал, что не опасен.

— Кто там? — спросила она через дверь.

— Максим Кузнецов. Учитель местный. — Голос был негромкий, с той чуть замедленной интонацией, которая бывает у людей, привыкших говорить с теми, кто не хочет слушать. — Нотариус сказала, вы приехали. Я хотел... — Он замолчал, и в тишине стало слышно, как где-то далеко стучит дятел. — Тут дело в чём. Ваш дед приходил ко мне недели за две до... этого. Спрашивал про старые карты. Я как раз разбирал архив за девяносто восьмой год, там есть схемы водных жил, ещё с войны, и он всё ходил вокруг да около: «А что, если вода помнит?» Я тогда не понял. Думал, старик завёлся. А теперь... — Он снова замолчал, будто понял, что говорит не то. — В общем, я подумал, вы должны знать: он чего-то боялся. Сильно. Я просто хотел, чтобы вы были осторожны.

Анна прижалась лбом к холодному дереву. Открыть — потому что она устала бояться в одиночку. Не открывать — потому что доверять незнакомцу в доме, где пахнет смертью, было глупо. Она выбрала третье: спросила через дверь, кто там, и не сдвинулась с места.

— О чём предупредить? — спросила она.

— Здесь небезопасно ночью. Замок на калитке сломан. И... — Он помолчал. — Вы одна в доме, где человек умер. Я просто хотел, чтобы вы знали: если что, я через два дома. Свет горит.

— Спасибо, — сказала она наконец. — Я учту.

Пауза. Она слышала, как он переступил с ноги на ногу.

— Ещё одно. — Голос стал тише. — Ваш дед... он приходил ко мне за неделю до смерти. Спрашивал про старые карты. Про воду. Я не придал значения. Теперь думаю — зря.

Анна отстранилась от двери.

Он знал деда. Он что-то знает. И он стоит на моём крыльце и говорит загадками.

— Что вы хотите от меня? — спросила она резче, чем собиралась.

— Пока ничего. — В голосе мелькнула — ей показалось? — горечь. — Просто будьте осторожны. И если захотите поговорить — я утром в школе до обеда.

Шаги стихли. Анна подождала, потом всё-таки открыла дверь. На крыльце никого не было. Только на перилах лежал сложенный вчетверо листок. Она развернула: карта. Старая, нарисованная от руки, с точками и подписями. В центре — квадрат, обозначенный как «дом», и рядом — кружок с надписью «К.»

Колодец.

Она вернулась в дом, заперла дверь на щеколду — хлипкую, но хоть что-то. Села за стол. Чашка с отбитой ручкой стояла перед ней, и Анна вдруг поняла, что всё это время не выпускала её из рук. Поставила. Отодвинула.

Я не останусь здесь. Завтра найду нотариуса, подпишу бумаги, найму кого-нибудь, чтобы вывезти хлам. И уеду.

Она взяла чашку, чтобы унести на кухню — и снова почувствовала тепло. На этот раз отчётливо. Фарфор был тёплым, как будто в него только что налили чай.

Анна посмотрела на чайник. Тот стоял на месте, холодный, с потёками на боку.

Здесь кто-то был. Пока я спала. Или пока я говорила с ним через дверь.

Она подошла к лестнице на чердак. Положила руку на перила — дерево было холодным и шершавым. Одна ступенька, вторая. Дальше — темнота. Анна постояла, считая до десяти, и вернулась на диван. В детстве она тоже так стояла: одна нога на крыльце, другая — на улице. Дед говорил: «Ну, чего встала? Проходи». Она не проходила. Сейчас она сидела в этом доме одна, и чашка в её руках была тёплой, как чужая ладонь. Анна не стала проверять. Просто села обратно на диван, не выпуская чашку, и просидела так до рассвета, глядя в тёмное окно, за которым шумел лес.

ГЛАВА 2. «Учитель истории»

Утром Анна проснулась от холода. Пальто, в котором она заснула, не грело; чашка с отбитой ручкой стояла на полу рядом с диваном, и она машинально потянулась к ней — холодная. Обычная холодная чашка. Анна хмыкнула, поставила её на стол и принялась за осмотр.

Первое: найти документы. Второе: вызвать оценщика. Третье: уехать.

Она начала с гостиной: перебрала бумаги на столе — счета, квитанции, старые письма, ничего похожего на завещание. Потом прошла в спальню деда, открыла шкаф. Одежда, аккуратно сложенная стопками, пахла нафталином и табаком. На верхней полке — коробка из-под обуви, перевязанная бечёвкой. Анна сняла её, развязала. Внутри — фотографии. Дед молодой, с женщиной. Та же, что на стене. На обороте одной — подпись: «Виктор и Люба, 1975». Люба. Бабушка. Анна не помнила её совсем — та умерла, когда Анне было три.

Она отложила фотографии. Под ними — тетрадь. Общая, в клеёнчатой обложке. Анна открыла первую страницу: «1985. Петров — 3 мешка картошки. Сидорова — забор». Она перевернула страницу. «1986. Петров — молоко. Кузнецов — молчание». Кузнецов. Фамилия учителя. Анна захлопнула тетрадь. Успела заметить только одно слово на обороте обложки, написанное красным: «Долги».

Что за бред. Старик вёл бухгалтерию соседей?

Она сунула тетрадь обратно в коробку, коробку — на полку. Не сейчас. Сначала — документы.

В сенях хлопнула дверь. Анна замерла. Потом услышала шаги — тяжёлые, неторопливые, по крыльцу. Стук в дверь. Она подошла, посмотрела в глазок: тот же мужчина, что приходил вечером. Максим. В куртке, с папкой под мышкой. При дневном свете он выглядел старше — морщины у глаз, щетина, старые часы на запястье.

Анна открыла.

— Вы, значит, и есть учитель, — сказала она вместо приветствия.

— А вы, значит, наследница. — Он не улыбнулся. — Я принёс карту. Ту, что оставил. Подумал, вы захотите посмотреть при свете.

Она не взяла карту. Стояла в дверях, скрестив руки.

— Вы вчера сказали, что дед чего-то боялся. Что именно?

— Я не знаю. — Он помолчал. — То есть знаю, но не уверен. Он спрашивал про воду. Про старые колодцы. У нас в архиве есть схемы — после войны составляли, где вода плохая. Он всё крутился вокруг этих схем. А потом... — Максим переступил с ноги на ногу, и Анна заметила, как он мнёт папку. — Потом он сказал: «Ты не понимаешь. Вода помнит». Я тогда решил — старик завёлся. А через две недели его нашли у колодца.

Он говорит об этом так, будто извиняется. Или будто боится, что я задам следующий вопрос.

— Вы были у него дома? — спросила Анна.

— Был. — Он не отвёл взгляда. — Один раз. Он сам позвал.

— И что вы там видели?

Пауза. Максим посмотрел на неё — внимательно, будто решая, стоит ли говорить.

— Беспорядок. Больше, чем обычно у стариков. Бумаги на полу, ящики выдвинуты. Он сказал, что искал что-то. Не сказал что.

Анна вспомнила вырванный лист, который нашла вчера. «Он приходил. Спрашивал про колодец». Может, этот «он» — не Максим? Или Максим?

— Это вы были у него за неделю до смерти? — спросила она прямо.

Максим не сразу ответил. Потом медленно произнёс:

— Я был у него за две недели. И ещё раз — за три дня. Он сам попросил. Сказал, что нашёл что-то в старых бумагах. Я пришёл — он был... взвинчен. Всё ходил по комнате, говорил про колодец, про то, что надо закрыть. Я предложил помочь — он отказался. Сказал, что разберётся сам. А через три дня его не стало.

Он говорит «не стало», будто боится произнести «убили». Или будто знает больше, чем говорит.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спросила Анна.

— Тут ведь какое дело. — Максим взял со стола какую-то бумагу, повертел в руках, отложил. — В девяносто восьмом комиссия приезжала. Воду проверяли. Есть документы — я их видел, — где ваш дед значится в списке тех, кто «за» закрытие. А потом — раз, и всё поменялось. Он отозвал подпись. Я тогда не понимал почему. А теперь... — Он замолчал, будто понял, что говорит не то. — В общем, я хочу понять, что произошло между этими двумя событиями. И почему он умер именно сейчас.

Анна не пригласила его в дом. Они стояли на крыльце, и ветер трепал страницы карты, которую Максим всё-таки развернул на перилах. Карта была старой, нарисованной от руки, с пометками: «дом», «лес», «колодец», и ещё десяток кружков в разных местах.

— Что это? — спросила Анна.

— Схема колодцев. — Максим провёл пальцем по кружкам. — Вот этот — ваш. Вот эти — старые, заброшенные. Их засыпали ещё в семидесятые. А ваш дед всё ходил и спрашивал: «А что, если в них вода ещё есть?» Я тогда не понял. Думал — старик бредит. А теперь смотрю на карту и думаю: он не про воду спрашивал. Он про то, что в воде.

— Что в воде? — Анна сделала шаг назад и скрестила руки — будто отгораживаясь. — Вы говорите загадками, как ваш дед.

— Не знаю. — Максим сложил карту. — Правда не знаю. Но в архиве есть документы за девяносто восьмой год. Там комиссия приезжала — проверяла воду в колодцах. Ваш дед тогда был в списке тех, кто отказался закрывать колодец. Я думал — из упрямства. А теперь...

Он замолчал. Анна ждала. Ветер стих, и стало слышно, как в лесу кричит какая-то птица — резко, тревожно.

— Теперь я думаю, что он знал, — закончил Максим.

— Знал что?

— Что вода плохая. Что из неё пьют. Что кто-то может... — Он снова замолчал. Потом тряхнул головой. — Простите. Я не должен был так с ходу. Вы только приехали.

Он извиняется. Но не за то, что сказал. За то, что не сказал до конца.

— Вы знаете, кто убил моего деда? — спросила Анна.

Максим посмотрел на неё долгим взглядом.

— Нет. Но я знаю, что он был не святым. И колодец это знает.

— Что это значит?

— Это значит, что у вашего деда были враги. И не только Петров. — Максим сунул карту в папку. — Я пойду. Если захотите посмотреть архив — приходите в школу. До обеда я там.

Он спустился с крыльца. Анна смотрела ему в спину — сутулую, в старой куртке, с папкой под мышкой. У калитки он обернулся.

— И ещё. Замок на калитке сломан. Я вчера не сказал, но... — Он помолчал. — Его сломали изнутри. Кто-то выходил, а не входил.

Анна вернулась в дом и заперла дверь. Потом ещё раз проверила щеколду. Потом села на диван и уставилась на чашку с отбитой ручкой. Та стояла на столе, холодная, обычная.

Его сломали изнутри. Кто-то выходил.

Она вспомнила вырванный лист, который нашла вчера. «Он приходил. Спрашивал про колодец». Может, «он» — это Петров? Или кто-то ещё? И почему дед писал об этом так, будто боялся?

Анна достала телефон. Сети не было. Она подошла к окну — может, на улице ловит? Нет. Тогда она накинула куртку и вышла. У калитки она остановилась, посмотрела на замок. Тот висел на петлях, перекошенный, с выломанной скобой. Следы ржавчины на изломе — старые. Значит, сломали давно. Максим сказал — «кто-то выходил». Но откуда он знает?

Он мог сломать сам. Мог прийти ночью, сломать замок, войти в дом. Мог оставить карту. Мог...

Она тряхнула головой. Это уже паранойя.

Анна дошла до магазина. Тот самый, с вывеской, выцветшей до нечитаемости. Внутри пахло хлебом и мылом. За прилавком стояла женщина лет пятидесяти — худая, с усталым лицом и глазами, которые сразу оценили Анну с ног до головы.

— Вы, часом, не внучка Виктора? — спросила она вместо приветствия.

— Внучка, — сказала Анна. — Мне бы воды. И... вы знаете Максима Кузнецова?

Женщина — Зинаида, как значилось на бейджике, — хмыкнула.

— Знаю. Учитель. Хороший мужик. Только странный. — Она поставила на прилавок бутылку воды. — Он вам уже про колодец рассказал?

— Рассказал, что дед чего-то боялся.

— Боялся, — согласилась Зинаида. — Все боялись. Только по-разному. Ваш дед боялся, что кто-то узнает. А Максим — что не узнает.

— Что узнает?

Зинаида посмотрела на неё внимательно. Потом вздохнула.

— Вы у него спросите. Он вам сам скажет. Или не скажет. — Она помолчала. — Только вы это... не очень ему доверяйте. Он с тех пор, как брат утонул, сам не свой.

Анна замерла.

— Какой брат?

— Младший. — Зинаида перегнулась через прилавок и понизила голос. — В том самом колодце. Вашего деда колодец. Двадцать лет назад. Максим тогда пацаном был, ему лет пятнадцать. Говорят, он не уследил. С тех пор — сам не свой.

Анна вышла из магазина с бутылкой воды и головой, полной вопросов. Максим не сказал ей о брате. Он сказал: «Ваш дед был не святым». Но не сказал, что в том самом колодце погиб его брат.

Он скрывает. Что ещё он скрывает?

Она вернулась домой. На крыльце её ждала записка, прижатая камнем к перилам. Анна развернула. Печатные буквы, неровные: «Уезжай. Пока цела».

ГЛАВА 3. «Слухи у магазина»

Записка лежала на столе — мятая, с неровными буквами. Анна перечитала её в третий раз: «Уезжай. Пока цела». Бумага была дешёвая, из школьной тетради в клетку — она узнала по обрезку. Печатные буквы, выведенные старательно, будто тот, кто писал, боялся, что почерк его выдаст.

Пока цела. Значит, кто-то считает, что я могу стать «не целой».

Она скомкала записку, потом разгладила. Потом убрала в карман куртки. Не выбрасывать — это улика. Или доказательство того, что она не сошла с ума.

К девяти она уже стояла у школы — приземистого здания с выцветшей табличкой «МБОУ СОШ с. Заречье». Внутри пахло мелом и мокрыми куртками. Максим сидел в классе один, за столом, заваленным бумагами. Увидев её, он не удивился — только отложил ручку.

— Вы быстро, — сказал он.

— Это вы написали? — Анна положила записку на стол перед ним. — «Уезжай. Пока цела».

Максим посмотрел на бумагу. Потом на неё. Потом снова на бумагу.

— Нет.

— Кто ещё знает, что я здесь? Нотариус, вы, продавщица. Может, ещё пара человек. Кто из них хочет меня выгнать?

— Не знаю. — Он взял записку, повертел в руках. — Но это не я. И я бы не стал писать «пока цела». Это слишком... — Он поморщился. — Театрально.

— А кто стал бы?

Максим отложил записку. Посмотрел на Анну внимательно, будто взвешивая, стоит ли говорить.

— Петров. — Он произнёс фамилию медленно, будто пробуя на вкус. — Он был у вашего деда в тот вечер. И он из тех, кто любит пугать, а не делать.

— Петров — это кто?

— Старик. Бывший завхоз. Живёт через три дома от вас. — Максим помолчал. — Он был в той комиссии девяносто восьмого года. Той, что проверяла воду. И он голосовал против закрытия колодца.

Анна села на стул напротив. Ноги вдруг стали ватными — она даже схватилась за спинку стула, чтобы не осесть на пол.

— Почему?

— Потому что колодец был единственным источником. Закрыть его — значит, возить воду из района. А это деньги. Которых не было. — Максим пожал плечами. — Петров тогда сказал: «Вода как вода. Пить можно». А через месяц в том колодце утонул мой брат.

Он сказал это так просто. Будто репетировал. Или будто говорил это себе тысячи раз.

— Соболезную, — сказала Анна. Слова вышли сухими, казёнными — как в письме из отдела кадров. Она тут же пожалела, что вообще открыла рот.

— Не надо. — Он отвёл взгляд. — Это было давно. И я не за этим здесь.

— А за чем?

Максим посмотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— Я хочу понять, почему ваш дед молчал двадцать лет. А потом вдруг заговорил. И почему он умер именно сейчас.

В магазине пахло хлебом и мылом. Зинаида — та самая продавщица — переставляла банки на полке, когда Анна вошла. Увидев её, она выпрямилась и вытерла руки о фартук.

— Ну что, наследница? — сказала она вместо приветствия. — Дом продаёте?

— Пока не решила. — Анна поставила на прилавок бутылку воды. — Вы вчера сказали, что мой дед пытался закрыть колодец. Расскажите.

Зинаида вздохнула. Оперлась локтями о прилавок, и её лицо стало вдруг усталым.

— Пытался. В девяносто восьмом. Тогда комиссия приезжала — воду проверять. Ваш дед был в списке тех, кто «за». А Петров и ещё трое — «против». — Она понизила голос. — Дед тогда ходил к Петрову. Ругались. Петров кричал, что если колодец закроют, он лично деда... — Она замолчала.

— Что «лично деда»?

— Не важно. — Зинаида отвернулась, поправила банку с крупой. — Ваш дед тогда сдался. Сказал: «Ладно. Пусть будет по-вашему». И всё. А через месяц у Максима брат утонул. — Она перекрестилась. — С тех пор в деревне тихо. Никто про колодец не говорит. Боятся.

— Чего боятся?

— Того, что вода не прощает. — Зинаида посмотрела на неё странным взглядом. — Вы в это не верите, я знаю. Городская. Но у нас тут свои законы.

Анна купила воды, хлеба и ещё одну бутылку — на всякий случай. Уже у двери Зинаида окликнула её:

— Анна! — Она помолчала. — Вы это... не ходите к колодцу ночью. И днём не ходите. Просто не надо.

Домой Анна шла медленно. Дорога шла мимо покосившихся заборов, мимо дома Петрова — того самого, через три дома. Калитка была закрыта, но за забором кто-то стоял. Анна заметила фигуру — старик в телогрейке, с седыми волосами, смотрел на неё в щель между досками. Она прошла мимо, не оборачиваясь. Спиной чувствовала взгляд.

Он знает, что я была у Максима. Или ему сказали. Здесь все всё знают.

Дома она первым делом проверила замок. Тот висел на месте, перекошенный, с выломанной скобой. Анна потрогала излом — ржавый, старый. Сломали давно. Но кто?

Она вошла в дом и остановилась. Что-то было не так. Она обвела взглядом гостиную — стол, диван, буфет, фотография на стене. Всё как утром. Но что-то... Она подошла к столу. Бумаги, которые она оставила стопкой, были сдвинуты. Совсем чуть-чуть, на пару сантиметров. Но она помнила, как их положила.

Кто-то был здесь. Пока меня не было.

Анна обошла дом. В спальне деда — шкаф открыт. Она точно помнила, что закрывала его. Коробка из-под обуви стояла на полке, но бечёвка была завязана иначе. Она развязала её, открыла. Фотографии на месте. Тетрадь — тоже. Но между страницами торчал уголок листа, которого раньше не было.

Она вытащила лист. Это была страница из дневника — та самая, вырванная, с неровными краями. Почерк деда, с нажимом:

«Петров сказал: если я ещё раз заикнусь про колодец — он сделает так, что я замолчу навсегда. Я не боюсь за себя. Я боюсь за Любу. Она ничего не знает. И не должна узнать».

Анна перечитала. Потом ещё раз. Люба — бабушка. Значит, дед молчал не из трусости. Он защищал бабушку. Или думал, что защищает.

Он боялся. Двадцать лет боялся. И умер, потому что перестал бояться.

Она сунула лист в карман. Потом остановилась. Если кто-то был в доме, пока её не было, — этот кто-то знает, что она нашла. Или знает, что она ищет.

Вечером Анна сидела на кухне, пила чай из той самой чашки с отбитой ручкой и смотрела в окно. За стеклом темнело. Лес стоял стеной, чёрный, неподвижный. Где-то далеко кричала птица — или это был ветер в трубе.

Меня пытаются выжить. Кто-то был в доме. Кто-то оставил записку. Кто-то сдвинул бумаги. И это не Максим — он был в школе. Или был?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.